

Ида Т. Микельсен

АЛЬМА
ФРЕНТ
и солнцеловы

*Иллюстрация, оформление и дизайн обложки
Андрея Фереза*

Alma Freng og solfangerne

© Ida Tufte Michelsen, text, 2020.

This edition is published by arrangement
with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd
and The Van Lear Agency LLC.

*Моим мальчикам:
Мисгину, Максу и Юэлю*

Глава 1

ДВА ПЕРЕЕЗДА

Белые домики острова Эвельсёй купались в солнечных лучах, когда паром с грузовиком на борту пришвартовался у причала. Альма ещё никогда не жила на острове, и этот ей определённо нравился.

— Вот и главная улица, — сказал Симон, который обо всём привык читать заранее. — Она называется аллея Эвельсёй. А наш дом — 22А.

Нанятый для переезда грузовик вырулил с парома и покатил по широкой улице. По обеим её сторонам тянулись стройные ряды ухоженных каштанов. Ни единой веточка не смела выбиться из аккуратной кроны, ни одно дерево не было выше или красивее прочих.

— Здорово как, Альма! Уж здесь-то мы задержимся, вот увидишь!

Отец всегда говорил одно и то же, каждый переезд. А переезжали они часто. Так что Альма на это не купилась. То из окна засквозит, то новый сосед поселится, то птичка громко распоётся — и всё, грузовик тут как тут. Альме это было непонятно. Но и возражать

особо не приходилось: если отец что решил — так тому и быть.

Симон почесал голову, ероша жёсткие тёмные волосы и всматриваясь в номера почтовых ящиков. Грузовик остановился на мигающем светофоре. Кругом не было видно ни людей, ни машин, но правила дорожного движения для Симона Френга всегда оставались правилами. Просто следуй, и всё.

Грузовик въехал в кованые ворота у дома 22А по аллее Эвельсёй. Альма открыла дверцу и спрыгнула на гравий. Перед ней стоял белый дом с тёмно-синими ставнями. Узкий и неровный, можно сказать, покосившийся, в целых четыре этажа. У самого входа раскинулась могучая яблоня, вся в цвету.

— Вон там будет твоя комната, — Симон указал на четвертый этаж. — Лучший вид из окна!

Альма уставилась на верхний этаж. Не слишком ли узкий дом для такой высоты?

— Я же высоты боюсь, забыл?

Симон повернулся, уперев руки в боки. Между бровями появилась морщинка, пролегавшая всякий раз, когда Альма, по его мнению, ребячилась.

— Альма Френг, комната твоя — в этом доме. Всего три добротных лестницы. И неразумно бояться высоты на четвёртом этаже. — Он решительно кивнул, будто спорить с такими доводами было невозможно, и, довольный, пошёл к кузову.

Альма слышала, как он возится с замком. Наконец задняя дверь открылась и на гравий выпрыгнул пёс семьи, Бёрре. Альма потрепала его по ушам, готовясь к предстоящему испытанию. У Симона была целая

система. Каждой комнате присваивался цвет, а все коробки во время переезда маркировались цветом и буквой либо числом. «Зелёный, 4», например, означало четвёртый ящик кухонной столешницы, а «синий, А» — комод в прихожей. Когда стоишь на пороге новой комнаты, надо лишь не потерять счёт времени, а в остальном порядок по большей части сам наведётся. По крайней мере, Симон был в этом уверен.

Альма вытащила из кабинки картонную коробку. «Держаться!» — подумала она. И поплелась к своему новому дому.

Позже, с заходом солнца, на остров доставили ещё один груз. От поклажи Френгов у него было два важных отличия: во-первых, он был значительно меньше. Всего-то небольшое кресло, узкий складной столик, плащ и три книги. А во-вторых, доставили его в полной секретности, под надёжным прикрытием темноты.

Приехавшая с ним женщина была одета с иголочки. Чёрные брюки, белая блузка без единой складочки или катышка. Не занимайся она разгрузкой посреди ночи, да ещё и стоя на крыше дома, можно было бы подумать, что она собралась в театр. На затылке у неё был собран тугой узел, в тёмных волосах белела одна седая прядь.

Женщина принялась обставлять крышу. Она не торопилась, неспешно и вдумчиво двигаясь в лунном свете. Кресло она разместила у печной трубы, рядом поставила складной столик, а книги и плащ до поры оставила в чемодане.

Покончив с делами, женщина устроилась в кресле. Хотя оно стояло в укромном месте за трубой, видно с него было почти весь дом Френгов. Женщина всмотрелась в окна четвёртого этажа и кивнула, разглядев на окне бело-зелёные шторы в полоску.

Она довольно улыбнулась и поднялась с кресла. Привычным движением она коснулась золотой цепочки на шее и подняла её. В воздухе появилась стеклянная коробочка размером не больше спичечного коробка. Она светилась изнутри. В ней будто плескалось море, отражающее солнечный свет.

Женщина подняла другую руку, щёлкнула пальцами и вдруг — исчезла.

Глава 2

С ПРИЕЗДОМ, АЛЬМА!

На следующее утро Альма стояла на кухне, разглядывая алфавитный указатель вещей на холодильнике. Она не выспалась и немного нервничала, поэтому никак не могла собраться и сделать себе бутерброды на завтрак. До первого дня в очередной новой школе оставалось всего несколько ломтиков хлеба и сыра.

Альма терпеть не могла первый день в новых школах. Никогда не знаешь, что на сегодня задали, за какую парту сесть и где туалет. Но хуже всего — ничего не знаешь про одноклассников. С кем поладишь, а от кого лучше держаться подальше — такие всегда находились.

На кухне уже не осталось ни единой коробки. Симон всё успел разобрать. Альма пробежалась по указателю в поисках хлебного ножа.

— Зелёный, 29, — прочла она вслух.

Бёрре отозвался нетерпеливым ворчанием. Пёс Френгов, без сомнения, самый упитанный член семейства, уже устроился у стола. Альма истолковала это ворчание как призыв поторапливаться: Бёрре хочет есть! Бёрре всегда хочет есть. И неудивительно, что он разъелся: даже удобненько устроившись на полу, пёс без труда сидя дотягивался до миски, стоявшей на столе рядом с тарелкой Альмы.

Какой породы был Бёрре — оставалось загадкой. Симон шутил, что он помесь пуделя с бурым медведем. Отец купил щенка много лет назад, как раз после переезда, чтобы подбодрить Альму. Замысел сработал, вот только Симон, мало что понимавший в зверье, рассчитывал, что из самого маленького щенка в магазине и собачка получится маленькая. Как признавался потом сам Симон, в этом он дал маху.

Альма положила по паре бутербродов с сыром и на тарелку, и в миску. Бёрре накинулся на свои так, будто те могли отрастить ноги и убежать.

— Ну что, готова к первому дню? — спросил Симон, усаживаясь за стол. Альма посмотрела на него и кивнула. — Я тебе там рюкзак собрал. Как договаривались, новые учебники лежат уже под скамейкой на веранде, карандаши наточены, книги обернул в обложки.

— Спасибо, — отозвалась Альма.

— С усиленными уголками! — добавил отец.

— Как всегда.

Симон вернулся к холодильнику и выудил из него коробку для завтраков.

— Положил чуть больше брокколи, чтобы можно было делиться с новыми одноклассниками.

Альма уже открыла рот, собираясь выпалить, насколько это плохая идея — раздавать брокколи в первый же день, но удержалась. Говорить о первом дне больше не хотелось.

Симон выложил на стол чемоданчик, достал из него пачку бумаг и начал их методично раскладывать.

— Свежий воздух! — улыбался он. — Ух и заживём мы здесь с тобой, Альма!

Альма оглядела незнакомую кухню. Стены пустые. Никаких фотографий — ни семьи, ни друзей. Только на стене в коридоре уже появились кое-какие снимки. Там были развесаны фотографии Альмы, которые каждый год непременно делали в детском саду и школе. Симон называл это стеной почёта. Перед кем он хвалился, Альма не знала — гостей у них не бывало. О том, что в квартире, где они прожили несколько лет в Веклерколлене, всё это время не было дверного звонка, они узнали только от заселявшихся новых жильцов.

— Первый день в новом классе... Как это волнительно! — продолжил Симон и протянул Альме листок, который оказался картой. — Отметил красными стрелочками кратчайший путь от нашего дома до школы. При средней скорости человек с твоей длиной ног преодолеет путь чуть меньше чем за девять минут. А занятия начинаются через двадцать, так что...

Речь Симона вдруг прервала торжественная музыка, каждое утро звучавшая по радио. Казалось, будто оркестр сидит прямо на кухне.

Когда музыкальное вступление отгремело, голос возвестил: «Восемь часов утра, доклад о состоянии

дел королевства представит премьер-министр Габриэлла Грубель».

— О ЧЁМ Я И ГОВОРЮ, — прокричал Симон, — УРОКИ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ МИНУТ, СОБИРАЕМСЯ И ЧИСТИМ ЗУБЫ!

Голос по радио сменился на женский: «Доброе утро, дорогие сограждане». Больше Альма ничего не услышала, поспешив по коридору за отцом.

Вообще-то, каждому положено было слушать всю утреннюю речь, каждое утро — такое правило ввела Габриэлла Грубель. И хотя Симон следовал большинству правил, именно этим он почему-то пренебрегал. Даже наоборот, казалось, у него каждое утро находилась какая-нибудь причина покинуть кухню, едва только на ней раздавался голос премьер-министра.

Симон стоял у входа и на что-то показывал пальцем. На двери висел потрёпанный плакат с погодными знаками — тот самый, который висел на двери каждого их дома, где они жили. Знаки на плакате изображали разные погодные явления, а под ними были написаны погодные приметы. Краски выцвели, а края замусолились от постоянного перевешивания, так что Альма даже удивилась, как плакат пережил очередной переезд.

Симон за погодой следил пристально и всегда одевался самым надлежащим образом. Указательный палец он направил на рисунок крыш под голубым небом. И подпись курсивом: «На западе ясно — будет день прекрасный».

— На западе прояснилось. Славный сегодня выдастся день. Твоя джинсовая куртка в самый раз будет. Висит на жёлтом Б.

Хотя все домочадцы из кухни вышли, кое-кто всё же послушал утреннюю речь по радио Френгов. Этот кое-кто сидел в кресле за трубой на крыше соседнего дома и слышал всё через открытое окно кухни.

Женщина посмотрела на окна четвёртого этажа и успела заметить мелькнувшую за шторами девочку. Она кивнула и записала что-то в книжечку, а потом продолжила наблюдать, как девочка трижды переодела футболки, почистила зубы и снова исчезла в глубине этажа. Тогда незнакомка спрятала записную книжку в карман, подняла руку, щёлкнула пальцами и снова исчезла.

Альма шла по аллее. Сразу было видно, что Эвельсёй — место красивое и чистое. Свежевыкрашенные дома поблескивали на солнце. Даже тротуар был так выметен, что нигде и камушка не лежало. Альме подумалось, что Симон и правда здесь приживётся.

Альма обошла перекрёсток, который, судя по карте, назывался Центральным, и пошла дальше по левой стороне тротуара. Прошла мимо кафе, которое ещё не успело открыться, а потом — мимо продуктового магазина с красной вывеской. Магазин тоже оказался закрыт.

На прошлом месте, где они жили, на улице Стракофф, герр Флессмук начинал вопить о скидках дня с семи утра, и Бёрре ещё не успевал продрать глаза, как улица наполнялась людьми. Поэтому идти сейчас в одиночестве Альме было так непривычно. В многолюдном Стольбю Альма редко чувствовала себя неуверенно, повсюду была полиция, или гвардия Грубель, как их называли. Альма так привыкла видеть бордовую форму, что её отсутствие на аллее Эвельсёй немного смущало.

Дома встречались всё реже, деревьев становилось всё больше, пока по обеим сторонам дороги и вовсе не начался лес.

Судя по карте, справа как раз должна была показаться новая улица. Альма остановилась и посмотрела наверх, на гребень холма. На самом верху она разглядела крышу с башенками по двум сторонам. Она их узнала, такие же были нарисованы на карте. Это и была школа. Так это туда надо подняться? Но как? Даже дороги никакой не было, сплошной лес.

Сердце забилось быстрее. Неужели на карте Симона ошибка?

Альма перешла дорогу и стала вглядываться между стволов. Этого она и боялась! Наверх петляла даже не тропа, а её подобие, да ещё и заросшее. Должно быть, карта старая, здесь годами никто не ходил.

Живот скрутило от мысли, что она опаздывает в первый же день. Ничего не поделаешь, придётся рискнуть и бежать.

К счастью, двигаться по тропе было несложно. Но даже по прямой Альма не всегда успевала уверачиваться от кустов и веток. Несколько раз у неё даже волосы цеплялись, но она высвобождалась и продолжала путь.

Силы были на исходе, но она не сбавляла темп. Во что бы то ни стало надо прийти вместе со всеми. Опыт Альмы подсказывал ей, что излишнее внимание к себе чревато.

И вот, когда она поднялась почти на самый верх, густой подлесок вдруг открыл здание школы. Большое кирпичное здание высилось над серым школьным дво-

ром. Смахивало оно на тюрьму. Альма перевела дыхание и уже собиралась двинуться дальше, как вдруг неожиданно услышала какой-то звук. Она обернулась. Лес стоял неподвижно. Альма вздрогнула. Есть там кто?

Вот уже несколько раз за эту неделю ей казалось, что кто-то за ней наблюдает. То шелест листвы выдавал какое-то движение в деревьях, мимо которых она только что проходила, то загадочные тени исчезали раньше, чем Альма успевала всмотреться. «Просто нервничаешь из-за переезда», — уговаривала она себя.

Но однажды на трамвайной остановке произошло кое-что и правда странное. Сандра из старших классов толкнула её плечом сильнее обычного. Альма потеряла равновесие и чуть не упала в канаву. Она уже возмущённо открыла рот, но тут случилось нечто, что с тех пор никак не выходило у неё из головы. Сила тяжести будто перестала действовать. Не успела Альма ничего толком осознать, как она уже снова стояла на платформе — её словно потянуло вверх. Рядом никого не было, чтобы помочь. Единственное разумное объяснение, которое Альме приходило в голову, — что ей померещилось, но в глубине души она знала, что это не так.

Альма вглядывалась в деревья.

— Эй? — тихо произнесла она.

И тут раздался звонок на урок.

Понять, куда идти, было нетрудно. Большие ламированные плакаты с красными буквами «С приездом, Альма!» были развешаны над входом, в холле, на лестнице на второй этаж и над дверью нового класса Альмы.